

КЛУБНЫЕ ВСТРЕЧИ

На 17 процентов экологи до тундры не доберутся

Вот клуб - 1999. - 18 дек. - 47.

**Алла
ДЕМИДОВА:**

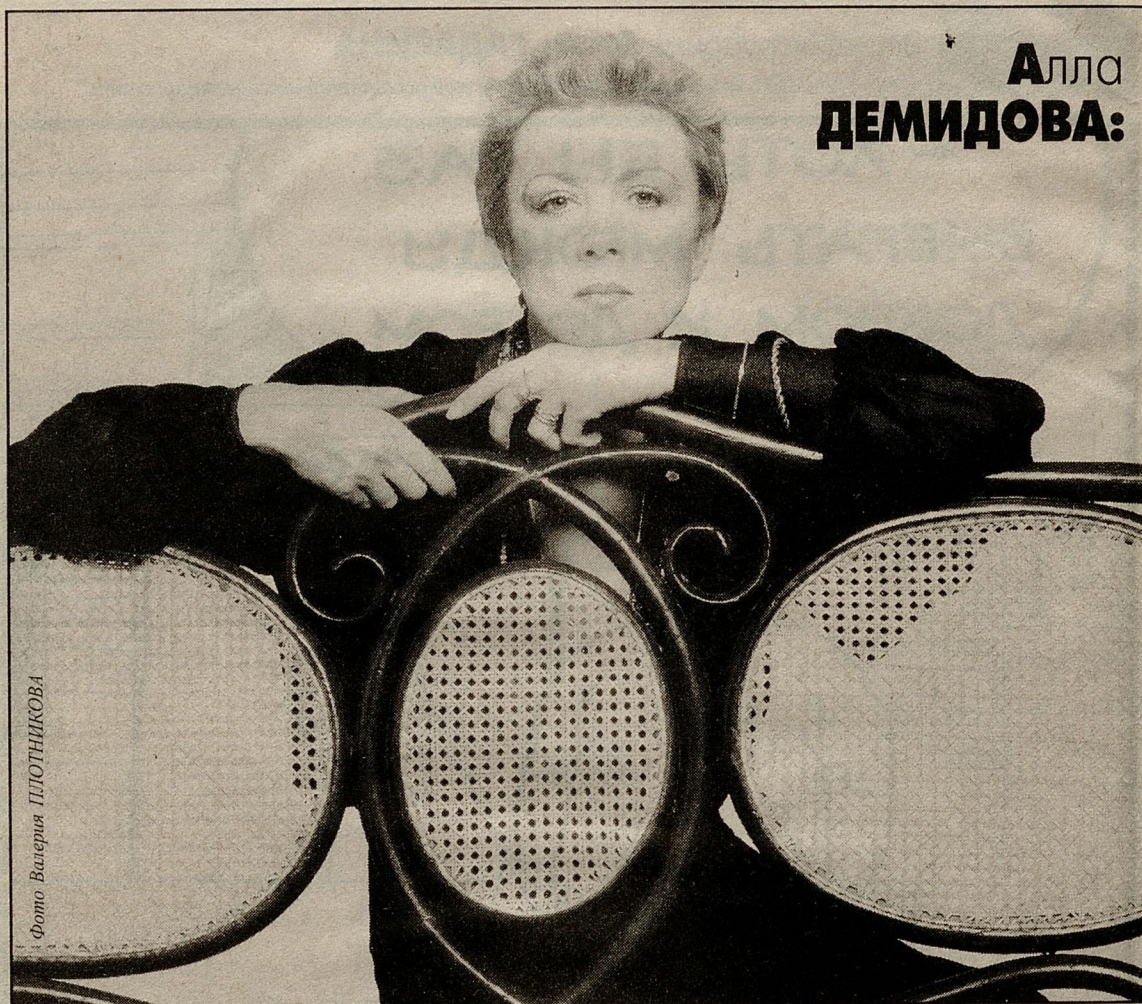

Фото Валерия ПЛОТНИКОВА

В ЯПОНИИ МЕНЯ НАЗВАЛИ ЧУДОВИЩЕМ

у вас там?» — «Платья...» Открывает, а там кот. Однажды он убежал, два дня не могли найти, объявления повесили. Тут соседка с верхнего этажа говорит: «Это не ваш кот между двух рам забился? А я-то хожу и думаю: какая-то рыжая старая шапка валяется».

— Вы так увлеченно рассказываете о своих животных...

— Вас это удивляет?

— Честно говоря, да. Большинство ваших героинь такие многословные, строгие. Кажется, что с ними очень сложно общаться, если хоть чуть-чуть комплексует. Интересно, ваши студенты испытывают такие чувства? Я имею в виду мастер-классы, которые вы ведете за рубежом с молодыми актерами.

— Не думаю, что они по каким-то поводам комплексуют... Наши занятия посвящены теме энергетического обмена между актером и зрителем, им это интересно. Знаете, прежде, чем заняться этими мастер-классом, я два года преподавала в Щукинском училище. Не понравилась, ушла.

— Почему?

— Наши несмышляшки, попадая в бесплатный вуз, иждивенчески относятся к процессу — мол, учите нас. А я никого не собираюсь учить. Я пытаюсь поделиться опытом, и это надо «брать»! Здесь необходимы воля, желание, целеустремленность. За рубежом на такие мастер-классы записываются заранее. И молодые актеры платят большие деньги, чтобы чему-то научиться.

— Почему вы решили преподавать?

— Вообще заниматься педагогической деятельностью меня подвигли наблюдения и опыт. Плюс аналитический сдвиг в сознании. Недаром я закончила экономический факультет в университете... Так вот, склонность к анализу подтолкнула меня понаблюдать за собой, за другими и что-то выявить. Последний мастер-класс я провела в Японии, в рамках театрального фестиваля.

— А в Москве не хотите провести?

— В Москве первый мастер-класс запланирован на 2001 год.

— Спектакли вашего Театра «А» — «Медо» и «Квартет» — тоже чаще можно увидеть в Южной Америке или Японии, а не в Москве...

— Наша публика приняла эти работы вяло. А за рубежом, возможно, меня даже переоценивают, слишком хорошо обо мне пишут. Может быть, потому, что видят только мои последние спектакли. Здесь же меня знают «от» и «до» уже 35 лет. В головах зрителей и мои неудачные роли, и неудачные интервью. А за рубежом я выступаю в «чистом» виде. Японцы как-то меня назвали «монстр сакре» — священное чудовище. Я испугалась: какое же я чудовище? Оказывается, у них это самый высший актерский титул.

— Японского вы не знаете...

— Естественно. Тем не менее, играя перед носителями другого языка, я получаю даже большее удовольствие, потому что восприятие идет не через язык, а через театральную психическую энергию — через интонацию, жест, костюм, светопартитуру. наших зрителей перекормили словом, сюжетом. Смотрите: сегодня в основном ставят малознакомые западные пьесы, чтобы публика досидела до конца и узнала, чем дело закончится. Наше экономическое положение — гиблое дело для репертуарного театра. Думаю, театры с огромными труппами будут разрушаться. Это такая богадельня...

— Говорят, что прошлой осенью вы хотели совсем расстаться со сценой.

— Только с московской. Я очень люблю театр как зритель. Но то, что интересно мне, не интересно московской публике и наоборот. Кто прав, кто виноват — не оцениваю. Я подумала: зачем кому-то не нравиться, кого-то раздражать? Если мне хочется поиграть, я поиграю в благоприятных условиях, например, у режиссера Сузуки в Японии. Старая

деревня, запах сандалового дерева, театр, сделанный без единого гвоздя, но с такой компьютерной техникой освещения, что нам и не снилось. И атмосфера чудесная, потому что актеры у Сузуки делают все. У него артисты и еду готовят, и посуду моют. Кстати, в моем Театре «А» мы тоже без обслуги работали. Я гладила костюмы, гримировала Диму Певцова... Люблю такое содружество.

— Сегодня с вами Певцова уже нет. Почему?

— Он стал звездой, знаменитостью, мне приходилось подыгрывать. Я же предпочитаю быть на равных. Хотя, может быть, ему в свое время тоже приходилось мне подыгрывать, когда мы в «Федре» работали. Я это не в осуждение, просто так менялись отношения и мы постепенно перестали играть «Квартет». На долгое время такое содружество невозможно. Студийные отношения — это хрупкое создание. Дух питает сомнения. Если сомнения нет, дух умирает, потому что боится цементного состояния.

— Вы верите в будущее театра, — обычного, не виртуально-компьютерного?

— Конечно. Хотя, кажется, что сейчас что-то и теряется... Раньше в театр приходили, как в собор. Общность восприятия объединяла людей.

— Сейчас не так?

— Это утрачивается. Мы раньше жили коллективным сознанием, оно стало распадаться.

— Может быть, это и не плохо?

— Индивидуализм — нужный процесс, хотя, с другой стороны, и опасный. Человек остается один перед компьютером или телевизором, но все-таки он коллективное животное, ему все равно придется возвращаться к себе подобным. Да, это будет трудно, но, перейдя рубеж одиночества и взыв, как волк, на луну, он найдет иные формы общения. Мы это сейчас и переживаем.

Встречалась
Оксана НИКИТИНА

Алла Демидова хочет жить в уединенной обители, в окружении животных. В столичной квартире ей частично удалось реализовать эту мечту. За входной дверью меня атаковали пудель и пекинес. Хозяйка скомандовала «стоять!», но относилось это ко мне, а не к собакам. Она попыталась шлепками усмирить их ярость и освободить проход. Но пекинес успел вонзить зубы в мой ботинок.

— Здесь так всегда встречают гостей?

— Видите ли, — объяснила Алла Сергеевна, — я не люблю давать интервью, но не могу отказать вам, это жестоко...

— А собаки чувствуют ваше настроение?

— Чувствуют... Они давно у меня. Я раньше подбирала животных на улице, в основном пуделей. Почему-то пудели чаще теряются. Раздавала друзьям уже «опуделены», я нашла мою Машку — она была вся в крови, избитая... Живет у меня уже 14 лет. А пекинесика Микки мне подарила приятельница, он — домашний клоун. Когда приходится уезжать, я оставляю животных подруге, солистке Большого театра. Так вот Микки не

даст ей заниматься. Только она подходит к инструменту, он тут как тут, и повторяет нота в ноту все ее экзерсисы. Я даже думала в «Дог-шоу» участвовать — Микки бы спел, а Машка станцевала бы вальс.

— Такие талантливые ребята... А в фильмах они с вами снимались?

— Микки снимался в «Маленькой принцессе». Я там играла начальницу детского пансиона, роль не по моим данным, и я подумала: возьму Микки, он половину за меня сыграет. Так и случилось. Он прекрасно понимал, что делает. Один раз в кадре мне надо было палкой разбить вазу на столе, рядом с которой лежал Микки. В первом дубле я не рассчитала и вместо вазы попала по нему. Он в ужасе полетел со стола. Дума-

ла, второго дубля не будет, но он согласился работать дальше. И уж в следующий раз я не промахнулась.

— Кроме собак у вас из четвероногих еще кто-то есть?

— Еще есть кот-философ. Обожают играть с Микки и Машкой: спрячется в коробке, они чувствуют, что он там, но не видят, и носятся вокруг, носятся. Вдруг из коробки высовывается лапа, и бам кому-нибудь из них по голове. Он не любит, когда я уезжаю, и в последнее время стал метить мои чемоданы. Платья тут же приходится сдавать в химчистку. Я попробовала его обманывать — соберу чемодан и заброшу его книгами, вещами. Так обманывала, обманывала... И вот еду в Японию. В Шереметьеве таможенник просвечивает чемодан и спрашивает: «Что